

Бытие образа в быту человеческом и воображённое бытие

Возможно ли различить образ литургический, связанный с возделыванием таинства предстояния Богу, действительности хождения пред Ним в стяжании Бога и приятии Его... - и обыденность человеческого существования... Возможно ли вывести образ Божий из области человеческого бытия в некую отдельную область, в пространство, отделённое оградой Церкви, обряда, церковного обихода, бытового благочестия, отстранённого от обыденности. Возможно ли вычленив образ из повседневных обстоятельств обыкновенного быта. Возможно ли наполнить образом и всецело вообразить обыденность. Попробуем задаться этим вопросом вблизи пространственного образа Феофана... либо внутри его, либо изойдя вовне и памятуя о нём.. Образ объёмлющий, образ вообразивший в себя. Закончилось ли образное деяние, воз-действие образа, взаимо-действие человека и Первообраза через образ – прекращалось ли с расставанием и неужто прекращено теперь, за физическими границами храма, за видимыми пределами образа. Ты - выскользнул из образа, словно бы Иона из чрева рыбы... словно бы младенец, совсем несмышлёный, - из утробы материнской... и остался ли прежним изойдя вовне, опалившись увиденным, пережитым, восчувствованным внутри образа.

Возможно ли было прежде, например, в пору творения этой живописи представить себе, что образ был завершён «подписанием» храма, закончен и сконцентрирован только внутри его стен, обращён лишь вовнутрь храмового пространства. Исследователи и интересующиеся изыскатели в этом направлении мысли свидетельствуют о том, как образ Божий наполнял собою весь православный быт, далеко распространяясь за пределы храмовых пространств, за границы красных углов личного моления. Об этом читаешь теперь, словно бы сказку о никогда не существовавшей здесь Святой Руси – Китеже подводном... будто красивую легенду, не имеющую никакой живой связи ни с настоящим, ни с минувшим. О часовнях на перекрёстках дорог – на знаках креста по лику земли, по которым и ныне шествуют под небесной твердью - наши ноги... на знаменях креста, по которым течёт по-следование нашей жизни, влекущейся за предшественниками... Прочитываешь о часовнях внутри необитаемых кущей райских пространств нашей Богом облюбванной земли...- их можно было встретить просто так, собирая грибы или ягоды, выходя на лесную поляну или опушку леса, забредя случаем на высокий берег в излучине реки и умилившись там распаханному простору ... Повсюду на лице земли возможно было обрести место к молитвословию – поклонный ли крест, воздвигнутую и оставленную икону, часовню... – и перекреститься не отыскивая Восток, но пред образом Господним – преклонить колена и ожесточённую выю. Образы в храме домашнем, образы за его пределами... часовни в виде постоянно доступных пристроек к храмам, в виде столбиков с иконами, лампадами и свечами для всех желающих проявить в себе естественное благочестие пред образом Господним, бредя сквозь обыденность под распаханутыми небесами Божьими.

Каковым действительно было прежде человеческое существование перед взором Господним? Изменённым ли нынче - обретаем и соотносим с собою бытие образа в быту человеческом, обыденном, обстоящем текучую жизнь. Да не поглотит образа быт наш, как не поглотил его до этих дней. Но, вмещая в себя образ, да не смешает его с собою, не растворит в себе быт наш – образа Божьего. Но во-образится сам, вместив образ, проявит

в себе вмещённое, изменится, отделит от себя не-во-образимое и преобразует его образом Божиим, воспринятым. Так помышляем почти мечтательно и с упованием... Не одними живописанными изображениями слагается многоликий образ Господень в Богозданном мире. По немощи нашей и по благословенной, вымоленной не нами традиции – живописуем образ и украшаем этим живописанием несказанную красоту земли, отнюдь не дерзая восполнить своим рукотворением деяния руки Господней. Украшаем то, что, казалось бы, не требует большей красоты, что «хорошо» от сотворения. Умножая дарованный талант образотворения, – приносим его, как приумноженный дар Даровавшему – да не отринет, да воздаст сполна от милости, от щедрот Своих. Терзаем себя извечным: от Господа ли этот дар... не фантазийное ли измышление нашей гордости... Но – приникаем к образу, радуясь в этом приникании к нему, чувствуя и облегчение тяготы и малое удовлетворение тоскующего в нас несовершенства... - и да не отступим на жизненном течении от образа... Украшаем воображающее нас и воображаемое нами пространство мира Господнего трепетным и осторожным деланием собственных рук... как естественным проявлением нашего естества, склонного от природы к образотворчеству... О не фантастичности подобного делания, но естественном и свойственном человеку - помышляем, понимая о прошлом, сколь тысяч... сколь десятков и сотен тысяч живописных образов, пусть и не со-образных творческим высотам Феофана, пусть зачастую наивно просто-народных, под-окладных образков – создавалось даже в трёх владимиро – суздальских иконописных сёлах Палехе, Мстёре, Холуе. Пусть, будто горячие пирожки, простосердечно, искренне, от души – «выпекались», да расходились по Руси иконки... святая Русь – образовывалась ими, обретая – углубляла и распространяла в пространства быта – духовно и сущностно – бытийственный, многогранно намоленный образ, распространяющийся за пределами храмовых стен и оград – по всему пространству русской православной ойкумены, - допустим здесь этот термин и не станем размышлять сейчас о преемственности православия на пространстве Руси, о литургическом пространстве, не ограниченном храмовыми стенами, областями да весями, дарованными народам... Внутри храмового пространства образный космос - образует литургию, оформляет и сопровождает свершающееся таинство и людей внутри литургического делания. За пределами храмового пространства образный космос – образовывал... почти незримо – и ныне - образует собою Святую Русь, наполняет Богом данное земное пространство. И ныне – блуждая по беспутнице в утрате духоводящей традиции образного творения и восприятия - про-изводится Русью образ, как некое естественное, не вполне осознанное, проявление дарованной и усвоенной святости.

Святость – отражается в естественном образном сознании русского человека... шире, в природной глубине человека православного, вкусившего таинств Господних, растворивших в себе воспринятого Христа – проявляется непременно. Проявляется – естественной внутренней отзывчивостью к образу. Вспомним удивительные свидетельства о том в литературных миниатюрах дивного образотворца в слове Никифорова – Волгина. О себе, непременно о себе самом пишет он, живописуя героя мальчика Ваську, живущего и дышащего Христом. Со звездой Рождества в образном сне мальчишки путешествуют волки... блещут молнии светозарных глаголов, источается по округе древний свет. Образность тайнодействия наполняет жизнь, восполняет саму возможность существования со Христом. И вне образа Божьего, а значит и вне Христа, вне церкви Его – не существует маленький герой большой литературы... Мир не оторывен

от Христа, от Его тайны. И никакого пантеизма в нём – повсюду – личный Васкин, Личный Бог. И мир вокруг – лишь пространство чаемой близости, путь, области преддверия встречи. Чутко и глубоко, неотрывно от души – укоренён во глубине образ Божий... отзывчивый, милосердный... кающийся – и раскаянный о Господе.

Согрешения внутри освящённого пространства отчётливо не-лепы, без-образны, не-со-образны со святостью. Словно бы сказ – былинку о небывалом и несбыточном – читаем свидетельства о былом, со-измеря печальную и без-образную обступающую реальность с неким представлением об этой же земле, об этих же перекрёстках – в таком недавнем - прошлом. Шагаю по руинам, Уланского лейб-гвардии Петропавловского собора, на котором нынче просто скрещение дорог, да битый кирпич по обочинам, попираемым поспешными стопами, - и моей вот... Исчезнувшая, закатанная под асфальт руина алтаря - словно бы свидетельствует, вопия нам, что не случаен этот материал – здесь, старинный кирпич в обломках... не выкорчеван корень срубленного духовного столпа, - и рыдают ангелы у поруганного престола... и не истребить дотла корней – былого фундамента, укрепляющего этот вот перекрёсток на наезженном пригорке...

Возможно ли распространение образа Божьего в быт без-образный... Славы Господней – в мир обесславленный... Посещая благословенную Элладу, допускаешь эту возможность, эту реальность наполнения обыденности - образом. Здесь, будто бы в ожившей повести о былой Руси, на самом обычном перекрёстке, на всяком дивном – удивленном Божией милостью и красотой извиве дороги – встречалась миниатюрная часовня... Поначалу отозвалось привычной ассоциацией с венками, да крестами на нынешних российских трассах, что печально и ужасающе рассеяны метинами скорбной памяти по следам автомобильных трагедий. Подумалось теперь об отличии этих отметин: памяти о скорби, почти несознательно обращённой ко Господу – и благодарением о дарованной красоте Господнего мира. Часовни на автотрассах Эллады, на видовых площадках, почти за каждым забором самого невзыскательного и простого жилища, на приусадебных газонах, вблизи цветников и огородов, в оливковых садах - увидим сегодня такую же небольшую часовню или помещение, где возможно сосредоточиться у образа Господнего, укрывшись от зноя и погрузиться, пусть в мимолётную и рассеянную - молитву. А вот - малый столб с небольшой конструкцией в виде ящичка или миниатюрного храма, - типовой, без изысков, или богато изукрашенный, - эта конструкция позволит вместить в себя небольшую простенькую икону, лампаду, свечи, молитвослов – всё, что нужно для вкрапления молитвы в обыденность человеческих обстоятельств. «Непрестанно молитесь», «придите ко Мне», «шестьдесят за мной» - напутствовал Спаситель, - и отзывается шествующему за Ним эта обустроенная обыденность – образом зовущим, способствующим воссоединению человека с самим собою в своих составах... и со своим Творцом и Спасителем. «Непрестанно молитесь»... вот здесь и прочтём молитвы текущего часа земного бытия, остановим себя пред Господом у часовни. Хорошо организован производственный процесс изготовления этих столбиков на всякую духовную потребу – этих молитвенных внешних признаков благочестия, отметин на благословенной греческой земле, - их изготавливают вместе с какими-то простенькими копиями античной скульптуры, колонн, капителей, вместе с примитивами форм приусадебных фонтанов и мелкого декора... Здесь же - и малые архитектурные формы - часовни, утилитарно служащие молитвенному во-ображению

обыденности и быта... и отстраняясь, удаляясь от них – стыдишься собственного суждения, скороспело-высокомерного в горделивом помрачении... или в завистливой жажде... - суждения о «китче» на незатейливую потребу невзыскательной публике...

В очереди перед кассой супермаркета - различим Иисусову молитву: типографская ленточка с текстом приклеена к кассовому аппарату, дабы не стоял человек, «о антропос» - болваном в очереди пекущихся о ненасущном, но вспомнил о Имени Божьем, о себе – стоящем и шествующем перед Ним. Внятно вспомнишь тогда о заповеди, побуждающей к непрестанной молитве... И, Бог дасть, хоть на миг един - возбудишься от духовного успения и от сущностного вне-бытия...

Во вполне захудалом отеле «о тѣх звездах» - Распятие в столовой, превращённой практически в трапезную для православной братии, предающейся совместному отдыху - словно бы призыв к бодрости духа, к молитвенной свежести души в отдохновении телес. И естественно перед Крестом Господним единодушное, братское во Христе - благодарение перед приятием даров земных, после, и в ходе вкушения пищи. Огромное Распятие в столовом зале отеля... пусть мало художественно в исполнении - утрачивает всяческие признаки опошления, низведения неба в нечестие... в недостойнство земной обыденности, - более того – запросто зовёт Господь образным напоминанием о Себе, сопresentствующем повсюду... И обретает Бог в нас, пусть едва внятный, но – податливый, отзывчивый отклик сердец, ищущих точку приложения молитвенного вздыхания в череде обыденных дел, ищущих утверждения и удержания своей человечности, дарованного уподобляющегося Богу образа, что и внутри суеты повседневных мельчайших событий – неотступно алчет, взыскует прежде всего - Царствия Божьего и правды Его...

Эти впечатления от самого краткого соприкосновения с Элладой не есть ли остаточные признаки, живые примеры во-ображения пространства - образом, так сродные тем, о котором прочитывали в исследованиях о русской иконе и благочестии в быту? Что нынче позволит вспомнить об этом на пространствах Родины - моей? Что привычно означено нынче, как некое непреложное достоинство. Уже ли одни только руины дворцов... новоделы великокняжеских, боярских и дворянских хором... на которых усердно восстанавливают куполочки домашних молелен... в них же, увы, столь часто роскошными интерьерами стыдливо скрываются - упоминания об утилитарном их назначении, как о капищах для домашнего камлания духам нечистым с призыванием, накликиванием на себя их тьмы... Живой образ святости – противостоял, пребывая в душах, в сердцах, горящих молитвой, не угасивших личного, Богом данного образа. Ужели навсегда охладели сердца, иссякла праведность, о-без-образила-себя человечность, изживая образ Христов из собственного естества. И не замедливали легионы, а мы - приняли свершившееся над нами... одержимы поныне, да мучимы во гробах своего возлюбленного Отечества - в стране своей гадаринской Родины, посреди пасущихся стад... зовём ли нынче Христа приблизившего Себя... вопием ли гла́сомъ вѣліимъ о личном упокоении неизменно привычное: «...что́ мнѣ и тебѣ́, Иису́се Сы́не Бо́га вѣ́шняго? молю́ся Ті́, не му́чи менѣ́...»

Но спросим же себя и об ином, противоположном отступлении от Бога Живого... об отступлении в само-оправдание образом паче Самого Бога. Спросим себя об

отступлением в образотворение, с которым мы не намечаем себе Цели и не намериваемся следовать далее... оставляем Самого Христа, устраивая Его образ... удовлетворяя и оправдывая себя образотворением. Сотворение образа может становиться неким соблазнительным признаком современной исключительности, самооправдания в отпадении от Господа. Строю храм – и не иду ко Христу, не отдаю ему сердечных глубин, не принимаю своего Спасителя. Образ, как некую купеческую «пудовую» свечу – воздвигаю под паникадиллом – единожды в год... Достаточно ли одних только внешних признаков благочестия в умножении рукотворенного образа... Не станет ли в очах Господних затёртая фотография со старой иконы, соучаствующая в искренней молитве – ценнее молитвенного холода внутри изукрашенного на манер Византии златоверхого новодела.

Образ, оставляющий пространство Святой Руси, - о-без-ображенная ныне святость... помыслим ли что-либо страшнее, зло-веще затеняющее нас... к вот уж, поистине, "злобному гнѣту тѣмных сил". Столпы колоколен и церковных глав, всё более часто возрастающие вокруг - обнадѣживают нынче, словно бы признаками внешнего опаматывания от само-забвения, от болезненного за-бывания о Творце... неизменного бывания в Отчизне своей, будто в стране далече. Да не одолеет нас унылая и тлетворная мода на без-Божие, некая стыдливость - спрятать образ в угоду миру, в подчинении самодовлеющему без-образию. Упрячешь ли в "приличном обществе" нательный крест, устыдившись Распятого, - подалее от пытливых глаз: не свидетельствуешь ли чем о Христе... Крест нательный, образ Распятия Христова, - неужто же не по разуму нам дерзновение свидетельства этим знаком о личном, воспринятом и исповедуемым христианством, о принятом даре Православия. Не об этом ли взывающая нас к действию - притча о дарованных талантах. Довольно ли нам этого Бого-приятия, исповедательного видетельства... достаточно ли образотворчества и познания Господа через Его образы... Уже ли ищет Господь нашего воображения в пространстве быта. И действительно ли нуждаемся в этом во-ображении мы сами, о-без-славленные личным неподобием... не подобающим Богу образом ... Сущностно, насущно, бытийственно - нуждаемся в непрестанном упоминании о Христе, в непрестанном стяжании Христа, непрестанном взывании «толцые» - в призывании отклика... - собственно в молитве непрестанной, как желанном и естественном дыхании Духа внутри нас, оживотворяемых Им. Нуждаемся в Боге и – понуждаем себя, - нуждницы – уже восхищают Царствие небесное - верим так. Нуждаемся – и по-нуждаем – себя к изображению Христа перед собою, как ищем и ждѣм Его из-ображения в себе самих. По-нуждаем-себя к опаматованию о Господе перед образом...

Стройные, геометрически выверенные и вымеренные аллеи регулярных парков – удивительно изошрѣнные нюансами неестественной растительной красоты, извращѣнной на причудливый вкус паркового архитектора, как дань моде, капризной и летучей... Эмпиреи парков пейзажных, имитирующих естественную красоту утраченного Рая... Бесчеловечные пространства новостроек, свидетельствующие о конструктивизме, не нуждающемся в человеческом бытии... Дерзнѣм высказаться о равной безблагодатности их вне Христа... как и о равной благо-творности в восприятии человека, стяжающего своё уподобление... Образ Христа перед входом в супермаркет – станет ли бисером, измѣтанным перед свиньѣю кормящейся... не рискнѣм помыслить так. Не утрачивает

человек образа Господнего, исходя на телесное поприще, и да утвердится Христом добывающий хлеб в поте лица своего. И да не замкнётся Русь образом внутри храмовых стен и оград от мира. И не случайно ведь столь желчны, столь непримиримы ко всяческому свидетельству о Спасителе – власти, сущие не от Бога, норовящие запретить Христа внутри храмовых пространств, оград и галерей, заключить образ Божий исключительно - внутри теснин личных жизненных сфер... неприязненно - запретить свидетельство внешнее, крест на груди, свидетельствующий о Воскресшем Боге, жаждущем воскреснуть в нашем естестве. Застегнём ли крещённую грудь на все пуговицы в приступе толерантности, в помрачении ложного стыда, да не будет видна на нас и сама перевязь этой малой иконы Распятия. Так и вступим, пристыженные, в реальное Богоборчество, иконо-борчество, в противление Богу через обыденное противление образу Его.

Вернёмся же к изначальному помышлению о растворённости бытия образа в быту, в обыденности обыкновения. Готовы ли мы принять эту растворённость, согласить себя с этим несомещаемым, неслиянным смешением, с этим вкроплением образа в без-образное пространство. Не станет ли безответное и безответственное в человеках распространение образа залогом опрощения, огрубления, умаления... исчерпания образной полноты. Но исчерпывается ли, умаляется ли Христос распространяя Себя в Своих восприемниках, - утешимся верою в неисчерпаемость Божества в распространении таинства, как не исчерпывает своей Божественной сущности воплощающийся Бог. «Придите ко Мне вси...» - и ничуть не умаляется Бог в этом восприятии, но лишь возрастает Его Любовь в умножении числа облюбленных. Не может быть не желанным – образ Господень, не может быть отверженным, не может не собирать на себе и собою – очей, ищущих привлечения, не может не собирать на себе алчущие взоры и сердечные помышления. Распространённый образ, не находящий жаждущих вожделений к себе, образ, вопиющий в пустыне безразличия или теплохладности отвлечённых мудрований века сего - лишается ли благодати, действительного проявления Первообразия? Скорее мы, отчуждаясь от образа – окрадываем и умерщвляем самих себя, - чувствуем и понимаем так. Утихнет призывный глас образа, нераспознанный, неслышанный, вопиющий в безответной пустоте... сменит его тихое рыдание ангела – вестника Господнего, удалившегося и уединившегося от человеческого безразличия. До времени ли рыдая и мучаясь со всею тварью... или теперь уже навсегда и невозвратно... до обращения сынов Божьих. Образ, лишённый благодати, словно бы утратив жизненный сок, внутренне обессилив, даже и сохраняя внешнее великолепие и неоспоримое художественное, например, достоинство - растворится в быту и не устоит перед натисками модерна, будет погребён под руинами хаоса и скепсиса пост-модерна... А после вынесенных унижений, совсем явив силы, образ не будет, словно престарелый фигляр, навязывать себя, кичась ветхими останками былого... ибо, коль станет взывать - не обрящет ищущих взоров. Станет изощряться пред потупленным взором образ, открывая себя из-под спуда и вымётывая свой бисер пустоте: увидите, узнайте, обратите хоть бы от-части малое внимание ваше ко мне, откровенному перед вами... станет ли так – вопиять пред нами образ не узнаваемый, столкнувшийся с без-образием, с безразличием. Станет ли стучать в камень нашего нечувственного сердца. Лишь образом Божьим приемлется образ Божий... так Первообраз Бог – обретает то, в чём не нуждается сущностной Божественной природой и алчет природой человеческой... реализует желаемое в сотворённом... - торжествует Своей Любовью.

Неужели весь источится, исчезнет образ, пленяемый, порабощаемый, погребаемый бытом, - иссякнет в быту бытие образа, не узнаваемого, не желанного и не принимаемого нами.. Не для того ли, промыслительно, устранились от поругания, удалились от мимошествующих без должного почитания, - исчезли из пространства Святой Руси... или ушли под спуд в невидимое - часовенки на перекрёстках и в извилах дорог, иконы в дуплах лесных дубрав, на «видовых площадках», на возвышенностях, увенчивающих наши Богом дарованные пространства, где так особенно неоспоримо и пронзительно – открывает себя окружающая превыше-естественная красота Божьего мира... лучится песнь об утраченном Рае. Взираем, вчувствуемся в окружающее в поисках образа Божьего – и что теперь взирание это без благодарного молитвенного вознесения чувств ко Творцу всяческих... Одною милостью Господней – встрепенётся бездыханное, нечувственное сердце.

Нынче, взойдя на высоту средне – русской возвышенности, не увидим образа Божьего, запечатлённым в образе иконном, живописанном... но ещё порою - ощутим обступившую красоту и, оробевшие перед нею, станем искать восток сердечный, - где же Он, Сам Господь, являющий красоту - вот эту. Изноет душа, ищущая образа и не обретающая его... и милосердный Бог не применит восполнить нашей недостаточности... исполнить наше искреннее желание... наполнить наши пространства святостью изображений Своего великолепия, включить пространство нашей жизни – внутрь образа, содеяв его вместе с нами, собственно, святорусским пространством литургии, где сам Бог преподаёт Себя на просторе нашего общего с Ним делания. И не применит Христос отозваться нам. Быть может – лишь тогда и наступит черёд исполнению времён, исполнению замысла Господнего об этом мире. Образует Себе Бог – нашими руками, нашей молитвой – место, в котором Он мог бы явить Себя «яко на небеси и на земли»... и это место будет родиной моею – Русью Богоисканной в святости исполнения времён и сроков.

«Царствие Божие внутри вас есть» (Лк.17:21). И образ Царствия, чаемый, искомый образ – внутри нас... и вокруг ищем его же? Может ли это царствие, ежели и обрести его признак, живой росток, если набрести на его след, если найти эту живо-трепещущую пуповиночку, - воистину соединить нас с собою, проявить себя в нас. Возможем ли дать прорасти этому царствию внутри, расшириться вдруг или постепенно – видимо и ощутимо наполниться жизнью, словно бы зерну умершему – прорасти, возвыситься и плодоносно – процветать. Перестанет ли тогда возникшая жизнь мучиться и стенать в окружении мира, лежащего во зле, мира страждущего и мучимого вместе со всею тварью, страдающей и мучимой о грехах человеческих. Нет, не найдёт упокоения царствие Божие, то, что внутри нас, покуда страдает и мучается тварь вокруг, пока страждем и мучаемся мы сами, вместе со всею тварью, как часть её. Вот – проникаем теперь внутрь образа, во глубину образного пространства, расширяем себя – образом, пребывая в нём – и, словно бы зерно наше прорастает внутри благоприятной и благодатной почвы. Почва, земля, сам внутренний в нас Адам, рыдая дарованной слезой, напивает этот растущий плод Царствия Божьего соками благодарными. Изнутри образа прорастающего – вопиет тогда: «Господи, хорошо нам здесь – быть!» Тишина – окружает это прорастающее зерно. Если и обитает, обретается Царствие Божие внутри нас, внутри образа, оно не встретит вокруг себя страждущего и мучающегося окружения, здесь – среда тишайшая, среда податливая и

проникновенная Богу, среда благоприятная, благодарная среда. Здесь - живительная почва образа, внутри которой – хорошо расти, набухать жизнью, умножаться и возрастать пробуждающемуся зерну «Божиего Царствия внутри нас». Соприродно тишине – Царство Божие, внутри пребывающее. Оно пристально ищет, ждёт, стяжает - и обретает эту тишину, как желанное естественное свойство, как благоухание утраченного Рая - сохранившееся в памяти сердечной глубины. Эта тишина, устранённость из видимого страдания или же произрастающая из страдания, превзошедшая страдание тишина – позволяет... нет, не обрести, но вспомнить явственно о Царствия не от мира внутри себя. Это воспоминание, словно бы «фантомная» память об утраченном... или же, скорее, о позабытом нами не окончательно, не абсолютно, не навсегда. Признаки Царствия, как и образ Божий – есть, непременно есть внутри нас. Это они, признаки образа, естественно жаждущего уподобления Богу, едва пробуждаясь, так терзаются и терзают нас всяческим самым ничтожным не-со-образием, без-образием, без-чинством в личном устроении и в нестроении того, что окружает повсюду. Это образ в нас – пробудившийся и обрадованный - впускает и возгревает благодарные златоструи Благовещения о Царствии внутри, откликается Благой Вести о Жизни Вечной. Образ в нас не изменит собою мир, даже если спасутся тысячи вокруг спасаемого... но образ - привнесёт нам опыт распознавания и постижения Бога, опыт образотворчества во славу Божию, опыт пребывания внутри символа, внутри пространственного образа, когда весь мир вокруг и в безобразии своём - станет образом, видимым и постигаемым нами. Пусть нынче мы почти не встречаем за пределами храма подобного... Но сам образ – из глубин, неведанных предстаёт перед нами. И - принимаем к нему. Восходим лестничной башней, пусть бы Фомою – возносим любопытствующую десницу в высь Георгиевской ротонды... Вникаем в Феофанов исихастерий и умолкаем в нём. Да молчит всякая плоть человека внутри образа в предстоянии Богу.

Но робко, осторожно, немощный в созерцании, усиливаюсь помышлять о неведомом... о неизведанном в личной молитве. Помышляю, несомненно погрешая перед Истиной. Помышляю... но не к помышлениям возводит Георгиевская лестница, не к помышлениям – исихастерий Феофана.

Пространство исихастериев – келлий Георгиевского «столпа» не знает образов – икон, здесь молитва вне-образно или уже превыше-образно - затворена внутри сердечной клетки, где Сам Бог не опосредованно образом – являет Себя человеку. Живописный образ не предстаёт перед очами молящегося. Живописный образ обрамляет собрание людей – собор молящихся именно за общим деланием литургии. Называя исихастерием Троицкий предел, мы, конечно же изрядно своевольничаем, погрешаем от истинного смысла. В Троицком пределе тоже может быть собрано небольшое количество молящихся, почти, как в Георгиевском соборе, – человек пять – или около того, молящихся совместно, и литургисающий священник, если здесь совершается литургия. Позволим себе предположить, что в уединённой молитвенной «камере» храма на Ильине предполагалось и несколько иное назначение молитвенного пространства. Возможно, в Троицком пределе перед нами также образец исихастерия, уподобленного простору столпнического пребывания под раскрытым небом – небом духовным. Проникая в исихастерий, мы восходим на личный уединённый, вознесённый от земли – столп. Если в башню – столп Георгиевского храма мы буквально ввинчиваемся, восходя по ступеням, замирая вне

времени в углублениях молитвенных ниш, сердечных гробов - восходим от них к литургическому оживотворению. В исихастерий Преображенский мы вникаем от хор, от области ангельского песнопения, сквозь проём Знамения – на встречу свету... и оказываемся на столпе в окружении столпников, внутри пространства поклонения Жертве, в неопосредованной близости к образу Гостепреимства Авраама, пред Ликом Троического Совета о мире и человеке. Здесь наш личный образный столп. Здесь образом создается пространство возможно предельного духовного напряжения и личной откровенности перед Первообразом. Здесь мы, лично – образно – предстоим Троице. Здесь, внутри образа святости – над нами и вокруг нас – распахнуто образное небо, здесь – место созерцания Бога, на котором Бог – созерцает нас. Здесь – место предельного воображения. Восставим смысл этого слова – как высшей точки воцерковления через образ и личного, лицом к лику - прилежания изнутри Церкви ко Творцу. Здесь область нашего вникания внутрь Церкви, внутрь образа – к непосредственному личному соприкосновению с Первообразом... здесь – место в-хождения в Него. Здесь осуществляется наше предстояние перед образом, как перед Первообразом, ввиду Зрака Господнего, когда сам образ практически утрачивает свою значимость, оставаясь лишь едва различимой посредствующей мембраной живого взаимного проникновения твари и Творца. Наше непосредственное приближение к Первообразию возможно вполне, поскольку мы – уже заключены внутри образа всею сущностью своей. Образ обстоит нас отовсюду, окружает нас, мы – вмещены, нераздельны с ним. Ничто в нашем существе здесь не отстраняется от образа. По мере пребывания внутри образа человек всё более вчувствуется в него, проникается им, можно сказать, включается, вмещается в образ. И поскольку человек всем своим существом обрамлён, окружён, вмещён образом, воображён сполна... - настолько близок он к первообразию своему, к Первообразу, зиждящему-Ся, колышашему-Ся за едва различимой завесой, за тоненькой, почти уж отсутствующей гранью между Богом и предстоящим человеком. Так образом завеса почти уж прорвана, раздвинута, почти устранена. Откровенен Непознаваемый, Незнаемый нами Бог. Духовное Небо окружает человека, упелёнывает его, буквально погребает в себя и пробуждает, воз-рождает, словно бы зерно озимое, окутанное в плодо-творный, животворный, живоносный, живо-творящий образ... Оживём ли внутри... прорастём ли, как эти вот столпники – крины Господние... уподобимся ли Аврааму... возможно ли более сосредоточенно предстать Господу, как внутри образа... может ли образ быть ещё как – либо более значимым и устремлённым к нашему личному духовному действию и сущностному духовному вызреванию... прорасти в Бога.

Здесь, внутри исихастерия Феофанова, – истинно образная тишина, здесь – видимое и ощутительное, ободряющее и постигаемое пространство молитвенной исихии. Здесь, внутри образа и образом, храм – исихастерий распахнут в невидимое... и Первообраз ощутительно – проникает в нас, обступая – образом. Здесь – объёмлющая нас тишина, внутри которой, словно бы во глубине материнского благоутробия – должно и возможно прорасти семени Царствия Божьего – всё вглубь и внутрь нас... всё более – во вне – из глубины нашей сердечной и, быть может, плодоносящей. Здесь опаматывать душе и затепливаться духу, напитываясь соками благодати, постигаемой в образах. Здесь, грешные, встречая образ, - пробуждаемся, умножаемся плодоносным семенем и возрастаем несказанной милостью Господней во славу Его.